

Найбільш потужно і безвідпорно політичного діяча характеризують документи. (Через це й були піддані тотальній багаторазовій чистці партійні архіви). Але людину також характеризує (видає!) і її мова. Хоча стиль і контекст – це такі речі, які важко залучати в якості доказів, у них є і чимала перевага: вони незнищенні. Щоб вичистити стиль, необхідно переписати заново все. А це не під силу навіть потужній тоталітарній машині. Порівняння значення документальних матеріалів і нарративів наводить на думку, що в історичному дослідженні все точно як у фізиці: програємо у відстані – виграємо у силі; програємо в очевидності доказів – виграємо в розширенні тематики.

Заяви, листи, автобіографії, в яких партфункціонери виливають свої болі і нанизують благання до вищих органів, цілими підбірками концентруються в архівних папках з назвами, що містять стандартний вислів «розподіл відповідальних працівників і переміщення комуністів». Більшість із цитованих у цій статті листів, автобіографій і заяв були написані саме в ті роки, коли партія крок за кроком втрачала свого вождя – це 1922–1923 рр.

Змістом цієї статті є констатація факту, що мілітарний дух, бойове минуле, рішучість і невблаганність у виконанні партійних завдань цілком органічно поєднувалися з сентиментальністю, наріканнями, слабкодухістю перед обличчям приватних проблем, а часом і плаксивістю, хитруваннями, наївним лукавством.

Мабуть, найпоширенішим приводом до нарікань, благань і стогонів було скрутне матеріальне становище, в якому у 1921–1923 рр. опинилася більшість партійців. Окремі з них наважувалися ставити питання категорично: або плата, або провал справи.

Як, наприклад, секретар транспортного залізничного партосередку при станції Олександрівськ у червні 1922 р.: «С 20/VI с/г я состою Секретарем Транспортной Ячейки Южного района, в которой в настоящее время состоит 51 человек членов. Ввиду специфического характера Транспортной Ячейки, все члены которой являются служащими (большинство из них «ответственные») и крайней их разбросанности, как по месту жительства, так и по месту службы, а также упадка партдисциплины в ячейке и расхлябанности многих ее членов, часто граничащей с нарушением партдисциплины, – работы для секретаря ячейки очень много. Секретарь должен быть и организатором, и идейным руководителем, и техническим исполнителем, и даже посыльным. Чтобы справиться с этой работой и поставить дело ячейки на должную высоту, секретарь ее должен обладать в достаточной степени Марксистскими знаниями, твердой волей, энергией, пользоваться авторитетом среди товарищей, и должен быть освобожденным от других обязанностей по службе или работе. Естественно, что при таких условиях выборы Секретаря в Транспортной ячейке падают на товарищей, занимающих ответственные должности, от которых они освобождены быть не могут. Каковым являюсь и я. Следовательно, всю массу работы по должности Секретаря я должен выполнять в свободное от службы время, которое, до сих пор, мною утилизировалось до последней минуты на материальную поддержку (хотя бы в полугодном состоянии своей семьи, в числе 4 человек, кроме меня) шитье и починка обуви, одежды, добывание хлеба и топлива и т. п., ибо на 11 мил. жалованья (и то только с июня м-ца), при одном красноармейском пайке, конечно прожить не возможно.

Ввиду вышеизложенного и для пользы дела, считаю необходимым внести этот вопрос на обсуждение Бюро Губкома, на предмет введения платы Секретарю Южной Транспортной Комячейки, хотя бы и не освобожденному от прямых своих обязанностей» [34, арк.14].

Ще більш драматична ситуація малюється в заяві політичного шефа водного транспорту того ж 1922 року: «26 апреля я был командирован Учраспредом Губкома для работы в Опер Пункте Водном транспортном Государственном Политическом Управлении, с 5-го мая занимаю должность Врид Начальника Опер Пункта по настоящее время. Принимая во внимание, что работа Гос Полит Управления в настоящее время очень серьезная и сложная в связи НЭПа и Генуи и другими обстоятельствами республики, а наш Опер Пункт Г.П.У. порта Запорожье не в силах с таковыми явлениями согласно его задания работать в связи со всеми пертурбациями центром Херсона и неравномерного снабжения продуктами, как то за июль м-ц пайка не получали, так и жалованья за три месяца, как то: май, июнь, июль не получали. Сотрудники, поступая на службу, видя такие явления, бросают всю работу, идя рыскать себе и своей семье кусок хлеба. При таких условиях я, Нач Опер Пункта, член К.П.Б.У., и сотрудники вверенного мне Пункта работают не в силах и не могут исполнять возложенные на них обязанности сидя голодными или делать какие-нибудь преступления; это послужит ущербом Совреспублики и Гос Полит Управления Оперпункта, сотрудники не могут бороться со всеми противодействиями республики. Еще раз повторяю, что возложенные сложные и серьезные обязанности на Г.П.У. Оперпункта исполняться не могут. Я как Нач Оперпункта при таких условиях сторудников как голодных и не получая жалованья работать принудить не могу, так как вполне сочувствую, потому что сам нахожусь при таких условиях. А посему прошу Губкома меня отозвать в распоряжение Губкома или снять с меня всю ответственность о дальнейшей такой работе» [35, арк.42].

Якщо у наведених вище заявах зрив відповідального завдання лише передбачається гіпотетично, то наступний випадок є спробою виправдати вже вчинені гріхи посиленнями на відчайдушне матеріальне становище. Восени 1922 р. пройшов через розслідування парткомісії Запорізького повіту такий собі Іванов Павло Іванович, голова комнезаму с. Василівки (у 20 км від м. Запоріжжя) і секретар місцевого партосередка, діяч з певною революційною біографією. Його пригоди були висвітлені в одній з попередніх наших публікацій [4]. Звинувачень було висунуто чимало, серед них пияцтво, зв'язок з класово чужим елементом, корупційні дії. Рятуючи свою кар'єру, він подає в Запорізький повітком заяву, змальовуючи своє існування в трагічних тонах: «...За пять лет гражданской войны я ни разу не пользовался отпуском для

отдыха, несмотря на то что у меня не в порядке легкие и при усиленном труде в трудной обстановке при деловых переговорах у меня часто показывается кровохарканье.

Несмотря на то, что я служу Предвиком уже 11 месяцев, я получил жалование лишь за один месяц, а за остальные месяцы службы я до сих пор ничего не получил.

Не имея лично своих средств не только на лечение, но и на содержание семьи, я как представитель волости поставлен в крайне тяжелые условия, и положение мое является совершенно безвыходным.

Мне часто приходится обращаться за помощью к родителям жены, которые нуждаются также в помощи.

Ко всему этому считаю нелишним добавить, что деятельность моя протекает в обстановке голодающей волости и в трудной и ответственной работе моей как члена К.П.Б.У. мне часто приходилось и приходится с трудом доставать хлеб для себя и своей семьи.

Все трудности при моем болезненном состоянии все-таки удерживали и удерживают от совершения тех незаконных и преступных деяний, на совершение которых толкает материальная необеспеченность многих работников нашей Республики, и мне как Партийному работнику крайне тяжело морально переживать то незаслуженное клеветание, которое имело место на страницах газеты Красное Запорожье от 26 ноября и обидно вдвойне, что незаслуженная клевета отпечатана в печатном органе Запорожского Губкома П.Б.У.

Так как с каждым днем жизнь становится все труднее и труднее, и так как, несмотря на всю тяжесть и безвыходное положение, я не могу добиться улучшения своего положения, то я, желая оградить себя от возможности в силу необходимости идти на подлость и совершать служебные преступления, убедительно прошу УКОМ обратить внимание на мое положение, сняв меня с настоящей ответственной работы, дать мне перевод в Р.К.П.

При этом докладываю, что я житель Петрограда, где моя революционная работа известна и где я, устроившись более обеспеченно, смогу продолжать свою работу на пользу Государства» [37, арк.25].

Не всі наважувалися дозволити собі шантаж по відношенню до керівних органів. Найчастіше просто висловлювалося благання про матеріальну допомогу: «Все время рискуя жизнью за дело пролетариата, выполняя все возложенные обязанности, за что потерял свое здоровье, испытывая все тернистые пути за дело социализма... до настоящего времени работаю на ответственных постах и потому на вышеизложенное прошу Губком не забывать моей работы так, что я за таковую потерял все мое здоровье и все мои больные нервы расстроены, то прошу меня отправить на курортное лечение и обеспечить меня в материальном отношении...» (березень 1923 р.) [20, арк.27].

«...Считаюсь с тем, что жизнь берет свое, я обращаюсь к вам убедительно оказать мне помощь, дать мне должность, ибо семья форменным образом голодает, а также сидит в холоде» (1922 р.) [21, арк.165].

Більшовицька партія, РКП відрізнялася категоричністю і невблаганністю у підкоренні особистих інтересів своїх членів загальній партійній справі. І все ж і ця сувора, жорстка, нелюдська машина не була в силах впоратися з могутнім натиском життєвих (антропологічних) потреб і інтересів своїх «гвинтиків». Загальним і повсюдним правилом було прагнення партійців облаштуватися не на найважчих ділянках боротьби із «світовим капіталом», а у якнайкраще забезпечених ресурсами центрах – столицях, регіональних центрах, містах, «хлібних місцях». Життя брало своє, владним настановам Центру протистояло інтуїтивне природне масове прагнення до красивого облаштування власного життя. Але система вимагала помірності, і щоб залагодити свої стосунки з нею, доводилося напружувати усі свої письменницькі здібності. Про те, як це буває, свідчить, наприклад, заява одного діяча з Кустанайської губернії, який був посланий на лікування в Таганрог, та там і залишився, знайшовши собі джерело до існування («должність»), а на суворі наполегливі звернення Кустанайського і Донецького губкомів відповідав так: «...Будучи только активным участником в социалистическом завоевании, и после этого отдать себя в жертву заразной болезни я не имею мужества и нравственного права... мне как заинтересованному в сохранении здоровья, а значит и жизни, приходится заявить своему Высшему Политическому Органу – Донецкому Губкому, что я в Кустанай не поеду, так как я болен; на что имею документы и во всякое время согласен подвергнуться какой угодно экспертизе, если это нужно Губкому... Тут же находится и моя семья» [19, арк.16].

Найбільше боялися отримати призначення на партійну роботу в сільській місцевості; стійка нехить «відповідальних товаришів» до периферії була загальновідомою, хоч і не схвалювалася. Секретар Запорізького окружкома С.Козлов у своїй політдоповіді за вересень–жовтень 1923 р. серед найчастіших проявів партійної недисциплінованості і порушення «кометики» називає небажання «пойти на нижеоплачиваемую должность в район и особенно на село и недопустимое суждение о разнице заработной платы» [25, арк.99зв.]. Що це було стійке явище, яке становило головну біль окружного начальства, підтверджується поверненням до цієї ж теми у грудні 1923 р., у звіті Запорізького окружкому: «В связи с тем, что при таких условиях, которые сейчас на селе имеются (плохое материальное положение и сильная перегруженность), у товарищей, работающих там, есть тенденция «вырваться в город», как выражаются сельработники» [28, арк.53].

Особливо нервували партійці, коли йшлося про добробут їхніх сімей. Положення про те, що комуністична ідеологія передбачала послаблення інституту сім'ї, потребує ретельної перевірки, бо уважне вивчення великої кількості конкретних ситуацій вказує на те, що як окремі діячі, так і партійні комітети розуміли турботу про родичів як святу справу. Існувала система матеріального забезпечення сімей загиблих

товаришів чи мобілізованих на виконання особливого доручення; надавалася всіляка допомога, аж до виплати додаткових сум, на перевезення сімей працівників, які отримали нове призначення; надавалися тривалі відпустки на відвідування родичів тощо.

Ось типова заява «відповідального працівника»: «В 1920 г. в декабре месяце я был откомандирован Бахмутским Губкомом в Мариупольский Упарком... Отцу 68 лет, матери 58, которых оставил без всяких средств к существованию в г. Екатеринославе, где я уже не видел их два года... Прошу рассмотреть мое заявление и направить меня в распоряжение Губкома в Екатеринослав, дабы не дать своим родным умереть голодной смертью» [12, арк.86].

Можна було, наприклад, спробувати втекти від навчання як від незносної муки, пославшись на необхідність турботи про сім'ю: «Дебальцевский уездком от курсанта Донгубсовпартшколы... Я мобилизован был на продработу, но в настоящее время меня сняли с продработы, но препроводили на курсы, партшколу то есть. Но это хорошо было бы, если бы я не женатый. А то я как (имеющий) семейство, и так мне в пользу ученье нейдет, то прошу я вас, товарищи, отозвать меня в свой уезд» [17, арк.3].

Усвідомлення страждань сім'ї перепліталось з незадоволенням власною службою і створювало гнітючий комплекс: «...Я неоднократно, чувствую свою испорченность и политическую отсталость, физическое и умственное недомогание по причинам, как лично я определяю, работой в органах б. Ч.К. в течение 2-х лет, а также и материальные недостатки, имея на своем иждивении жену почти инвалида и двое детей, я просил неоднократно преддонГубчека т.Карлсона об откомандировании меня в распоряжение Губпаркома для направления меня на хозяйственную работу... На все свои просьбы я получал один ответ: что отпустить я не могу – нет работников, люди нужны и т.д. и т.п. На самом деле, учитывая и сознавая в действительности нужду в людях, я борюсь со всеми представлениями, кои мне встречались на пути, боролся со всеми лишениями, кои, если вы представляете, у меня есть в семейной жизни. Имея семейство в 4 человека и получая несчастные гроши, хотя бы и сейчас до 11 миллионов руб., в том числе и выворачивают за паек, состоящий из реального 60 ф. хлеба 1 ф. масла 1 ф. сахара ... а как раньше платили, я и писать не буду, так я полагаю, вам жизнь сотрудника Ч.К. честного должника представляться воочию... Я чувствую, как я политически отстал, и как я в силу своей преданности работал в Ч.К., постепенно оболванился в этом отношении, я закрывать вам глаз не буду, как это не печально. Да это не секрет и для Вас самих не только по отношению моей политической отсталости, но большинства сотрудников ЧК...» (1923 р.) [16, арк.99].

Листування обласних партійних організацій показує занепокоєність комуністів матеріальним станом їхніх сімей як масове соціальне явище. Так, одеське керівництво, отримавши підкріплення з Донбасу, скаржить на одну обставину, яка зводить ідею «зміцнення кадрами» нанівець: «Почти все пополнение, полученное нашей парторганизацией при мобилизации коммунистов 900, 901 гг. (рождения), прибыло из Вашей губернии. Все прибывшие товарищи, за малым исключением, были высокосоциальные, и все руководящие посты были предоставлены им... Однако спокойной работе мешают тяжелые известия о положении их семейств, оставшихся в Донбассе. Необеспеченность их семейств, подчас жестокая голодовка, нарушает спокойный ход работы, товарищи рвутся домой в Донбасс, заражаются демобилизационными настроениями и подчас стремятся к уходу из партии...» [22, арк.67].

Тепер переключимо увагу на випадки, коли джерелом розпачу ставало усвідомлення своєї нездатності впоратися з дорученим відповідальним завданням. Зрозуміло, що однією з найскладніших і найважчих була робота в карних органах: «Прошу Губком откомандировать меня из Донгубчека, так как я приехал из Центра, был назначен вами для работ в Донгубчека, но в работе, которую мне дали, я совершенно неопытен и по сильной слабости здоровья исполнять ее не в силах. Работая в Центре в рядах Коммунистического Союза Молодежи и занимая место секретаря Района, вполне мог бы принести пользу в политической работе для Рабоче-Крестьянского правительства. Имея от роду 17 лет, еще раз напоминаю, не могу нести эту серьезную работу, которая притом в ближайшем будущем совершенно может разрушить мой слабый организм» (1921 р.) [11, арк.28].

Не всякому комуністу була під силу і робота в органах внутрішніх справ: «Прошу Вашего распоряжения об откомандировании меня из губ-розыска куда-либо на другие работы ввиду того, что я еще не подготовлен к работе в сыске ... я чувствую себя не в курсе дела» [18, арк.145].

Цілий пласт заяв вказує на те, що робота в каральних органах інтенсивно руйнувала здоров'я. З Одеської губернії влітку 1922 р. повідомляли, що через голод і виснаження подають заяви про звільнення співробітники ГПУ [9, арк.187зв.].

У лютому 1922 р. в Донецький губком надійшла заява про переведення з ЧК на іншу роботу: «Проработав почти 4 года в органах ЧК в той обстановке, где ежедневно была самая напряженная работа, революционная борьба с классовым врагом пролетариата, не раз принимая активное участие в подавлении восстаний и бандитизма, я устал и стал больным и слишком изнервничался в условиях обстановки сильным нервным расстройством. Вследствие чего подвержен вспыльчивости и подчас неуместному обращению. Почему нуждаюсь до крайности в отдыхе или по крайней мере умеренной работе, чего я получить, состоя на работе в органах ЧК, отнюдь не могу... Ходатайствую о переброске меня из органов ЧК на другую работу» [13, арк.35].

З заяви слідчого карного розшуку Куйбишевського району на Донбасі: «Прошу вашего распоряжения об откомандировании меня в распоряжение райпаркома. Так как я чувствую сильную нервную слабость, а быть

в уголовных розысках, нужно быть сильно сдержанным. А я этого не могу, во мне чувствуется большое раздражение от всех преступлений, сделанных кем бы то не было.

Это все оттого, что я пережил и случилось от пережитого революционного времени. Служа в Особых отделениях, Красной Гвардии и Армии, я это получил. А в 1921 г. в мае месяце я был на комиссии, которая дала мне удостоверение, что я не могу служить в репрессивных органах, за что я был освобождён от службы Ч-К.

Документы на этот счет должны быть в Губпаркоме, в чье я распоряжение прибыл, прошу вас не поставить в обвинение как нехотение работать. И других принципов нет. Если буду работать долго, то я потеряю свою жизнь не сделав пользы? Я как коммунар с 1917 года вытрепался уже такою службою. Хочу переменить свою службу по старой моей специальности Земорганов...

Добровольно подавши заявление в Райком, Упарком и Губпарком, чтобы меня командировали на сельскохозяйственные курсы. А меня послали в милицию? А с милиции в Уголовный розыск.

Прошу понять мое чувство преданности и отправить меня в распоряжение Земорганов, а там я сам попаду на курсы». (1922 г.) [10, арк.220]

Ось ще одна деталь з побуту чекіста: «Сидячая жизнь в комнате без чистого воздуха, в табачном чаду крайне разрушительно влияют на здоровье...» [5, арк.11].

Ще одна заява в Донецький губком: «Прошу отозвать меня с Губернского отделения ГПУ ввиду того, что проработав в указанном органе около трех лет и прошлое время ожесточенной борьбы с контрреволюцией, ее последствия сильно отразились на здоровье, что установлено врачебной комиссией, а именно психоневрастеническое состояние» [18, арк.4].

«Дорогие товарищи! Вот уже год как я, будучи демобилизованным Пуром и ЦК РКП, работаю в Донбассе в органах чека. Здоровье мое пришло в полный упадок, борьба с бандитизмом в продолжении летних месяцев подорвала мое и без того не полное здоровье... Прошу Губпартком отозвать меня в свое распоряжение для отправления как окончившего Высшую Кавалерийскую Школу Республики по инстанции в Реввоенсовет Республики... И если моя последняя просьба останется без последствий, то прошу меня исключить из членов партии КП(б)У» [16, арк.42].

Оскільки інстанції, від яких залежало рішення, відповідати не поспішали, то просителі намагалися посилити свою аргументацію, перетворюючи свої заяви на цілі життєписи: «Писал несколько раз рапорт об увольнении меня со службы, но все без результатов, т. к. вы ничего не ответили. Хотя, правда, я мотивов не указывал, а просто просил об откомандировании меня в Губком. Где, я думал, что меня не будут задерживать, а отпустят по моему желанию продолжать учение.

В настоящем своем заявлении хочу обрисовать все подробно, т.е. мое происхождение, краткую биографию.

БИОГРАФИЯ ДО РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.

Родился 24 марта 1898 г. в городе Ковеле Волынской Губернии. Родители были рабочие, отец работал на железной дороге в качестве простого рабочего и вместе с тем обрабатывал немного земли, дабы прокормить свою семью, которая состояла с шести человек. Землю отец брал у городской управы на выплату (мать была домохозяйка).

Я учился в Выше начальном одноклассном сельском училище (в деревне); т.к. в отца не было средств учить меня, то он отдал в деревню к дяде, где я и продолжал учение по окончанию двух экзаменов в выше сказанном училище, и за это время отец немного оправился, так как уже поступили на службу два моих брата, что была поддержка в семье, меня отдали учиться в гимназию, где я продолжал учиться 5 лет, т.е. до 1915 г. В 1915 году окончил 5 классов и во время перевода в 6 класс я был арестован за то, что подпольной организации вез письмо в город Холм, хотя я и сам с названной организацией ничего общего не имел, т.к. я ничего не знал, что такое есть организация. Просидя под арестом три месяца совместно с организацией, где был и мой брат, мне удалось бежать, т.е. не только мне, а всей организации в числе 18 чел.

После побега из-под ареста я вступил добровольно в ряды старой армии, дабы спасти себя от гонения. Вступил в армию 1-го мая 1915 года, был в 171 пехотном запасном батальоне, потом был послан на фронт, где попал в 12 Туркестанский стрелковый полк, где пробыл до революции. Окончил учебную команду в названном полку, был послан на повторительные курсы подпрапорщиков в штаб фронта, где после краткого окончания был произведен в звание подпрапорщика.

Со дня октябрьской революции вступил добровольно в ряды красной гвардии, где проходил несколько отрядов, а именно т.т. Трунова (в Белгороде), Свищева (Волчанске) и Сахарова. Участвовал в боях против банды Корнилова, где и был ранен, после выздоровления вступил в 3 Курский Р.К. полк 3 Инзенской дивизии. Но там пробыл не долго и в скором времени попал во 2-ю повстанческую украинскую дивизию, которая потом была переименована в 4 Стрелковую дивизию и пробыл названной дивизии по декабрь 1920 г., и т.к. я все время занимал командные должности, то мне было очень трудно попасть на какие-либо курсы. Неоднократно я писал рапорта высшему командному и комиссарскому составу об откомандировании меня на курсы, но вот это было отказом, т.к. в армии было мало комсостава, но все-таки с занятием Крыма меня откомандировали в Севастопольский Уком, откудова я думал, что попаду на курсы, но мне и оттуда не удалось, т. к. в Укома был тот же ответ, что нет работников – обождите.

И был командирован Севастопольским Укомом в распоряжение Балаклавского райпарткома, где я пробыл по май 1921 г., где тоже занимал ответственные должности, а именно был инструктором

организатором при райпарткоме, Зав. Отделом труда и последнее время начальником милиции. В мае м-це 21 г. дивизия меня отозвала обратно в дивизию, где я был короткое время комиссаром полка, а потом комендантом дивизии. В сентябре м-це 21 г. был освобожден от службы в армии по болезни и через губком попал работать на Губотдел г.п.у. При чем прикладываю некоторые оправдательные копии своих документов, что я работал в названных мною должностях и ответ Крым областкома на мое заявление о принятии меня на курсы. Но прошу как начгуботдела, так и губком не отказать моей просьбе, а откомандировать меня на курсы» [35, арк.29].

Повне виснаження відчували також керівники партійних комітетів.

«В губком Запорожье. Заявление. От Секретаря Генического Укома.

Товарищи, моя просьба заключается в следующем: как мне известно, согласно постановления Центрального Комитета все работники получают отпуска для исправления сил и здоровья. Я в начале весны думал, что в условиях, где я работаю, будет возможно исправлять свое здоровье, но я, убедившись, теперь должен сказать, что в Геническе условия больше, где бы то ни было, требуют напряжения энергии и сил. Я же имею продолжительную болезнь вследствие контузии невралгию, сразу почувствовал, когда был перегружен работой.

В последнее время моя работа сопровождается систематическими перерывами, что вызывается нервными осложнениями. Дальше при таких условиях в интересах всего дела оставаться считаю не возможным, вместе с тем продление т.е. не получив отпуск, я могу выйти совсем из строя как не пригодный физически...

После отпуска гораздо лучше меня можно будет использовать» [35, арк.2].

У такому ж дусі витримана заява завідуючого губернським відділом зв'язку, лютий 1922 р.: «Работая в Донбассе с 18 мая 1920 г. в качестве Завгубсвязи в невероятно тяжелых условиях... я совершенно изнемогал, болел, терял 100% трудоспособности... К данному моменту я совершенно истрепался и потерял возможность с прежним упорством и напряжением отдаваться работе; чувствую, как последние силы меня покидают, требуется немедленный и продолжительный отдых...» [20, арк.203].

«Работая на ответственных постах с первых дней революции, ни разу и ни одного дня не удавалось иметь отпусков для отдыха... Такая работа ведет к окончательному расстройству здоровья, и без того расстроенные нервы... Кроме того, мне 48 лет. На основании вышеизложенного прошу Губком освободить меня хотя бы от военных занятий» [12, арк.89].

Керівні органи по-різному ставилися до стогонів і пропозицій щодо «раціональнішого використання можливостей і талантів» жалільников. Дуже часто скарги і волення сприймалися нервово: ситуація не сприяла чуйності. Наївні пропозиції сприймалися як хитрощі, як «шкурництво». Наприклад, з приводу заяви одного з «відповідальних» партійних інструкторів: «в этой работе считаю себя слабым, о чем неоднократно подавал заявление завгуботделуправления и парком об устранении меня с непосильной мне работы», – завідувач цього самого відділу С.Мазлах відповів (січень 1921 р.): «Тов. Попов является одним из опытейших инструкторов... Отзыв т. Попова о себе самом является результатом обывательщины и стремления попасть на насиженное место» [11, арк.6].

Тим не менше письмові звернення до керівних партійних органів з премудрими роздумами щодо варіантів кращого використання свого комуністичного потенціалу залишалися поширеним жанром; очевидно, в партійній масі ходила інформація про небезперспективність таких акцій.

Справді, документи містять інформацію про щасливе завершення клопотань. Так, протокол засідання секретаріату Катеринославського губкому від 14 грудня 1923 р. фіксує ухвалу: «Утверждение оценки работ (докладчик т. Ганелин): а) Шаров, бывший Помощник Начальника ЕГОГПУ.

§34. а) Утвердить следующую оценку работ: т. Шаров как работник ГПУ хорош, особенно в должности Начальника Секретного Отдела. Вследствие специфичности работы, замечалась некоторая оторванность от партработы в массах. Снят на учёбу по личному заявлению ввиду долгого пребывания в органах ЧК» [26, арк.147].

Інкони «плакання» перетворювалися на гримасу зухвальства, нахабного порушення субординації. Важко зрозуміти, що за такими поступками стояло: чи то дивовижне нерозуміння того, що відбувається в країні, чи то елементарний душевний розлад, а чи перебільшена доза одержаних стусанів, після яких спрацьовує самоанастезія, тобто несприйняття болю, коли вже все одно: «Солянному Райкому К.П.У. от бывшего члена К.П.У. ... Проработав в Вашем Райкоме в качестве Зав. Учраспр и Статист п/о с 1 мая до 13 сентября с/г, прошу выдать мне жалованье в 6-кратном повышенной норме, так как за время службы я получил всего только за 1 месяц – май 8450 рублей, а посему прошу выдать мне причитаемое жалованье, имея в виду, что Райкомом я откомандирован в распоряжение ДГЧК, и уже успели меня исключить из Партии К.П.У., а за работу, произведенную мною в бытность членом Партии, – жалованьем я не удовлетворен. Не имея возможности приехать в Ваш Райпарком, прошу сообщить по телефону в Экономич п/отд. ДГЧК – когда можно будет явиться за получением жалованья. С товарищеским приветом, исключенный из партии (подпис)» [14, арк.27].

Отже, не тільки співпрацівники каральних органів задихалися в рутині нескінченної війни з власним народом. В політичних органах також не всі витримували. Наприклад, секретар Новоселківського райкому партії Маріупольського округу у січні 1924 р. зробив уже третю спробу вирватися у ширший світ: «...Нужно не забывать, дорогие товарищи, что из повседневной мелочной, кропотливой работы создается и складывается вся наша жизнь... Утверждаю, что жить и всецело отдаваться работе в данное время, при

всем моем хладнокровии и терпении, – не могу, трижды не могу, так как всякому, самому толстому терпению бывает предел, а посему перебросить меня из города Мариуполя, даже с Донецкой губернии хотя бы на один-два года, является для меня жизненной необходимостью. Мне трижды обещали послать меня на курсы... Когда нужно было, не щадил жизнь, и если нужно будет – не задумаюсь. Но прошу, не доведите до отчаяния или партийного преступления... Прошу Губком и его секретаря за мое многословие не быть ко мне строгим, но скажите – дайте совет, как Вас дошкурить? Тогда, когда вас там забронировали большим стажем, большой революционной заслугой, тогда как я маленький винтик, даже в районном масштабе... Прошу Вас помочь мне вырваться из Мариуполя и попасть на какие-нибудь курсы, очень хотелось бы на кооперативные, так как 9 лет в нем работал. Правда, я уже не молод, мне 32 года, желание-жажда учиться у меня очень большое...» [24, арк.106–107].

Керівні органи добре знали про побутові умови своїх активістів. Знали і готові були до певних меж пробачати їх людські слабості. У звіті уповноваженого Катеринославської губернської партійної контрольної комісії по Запорізькому округу, оголошеному на VIII окружній партійній конференції (квітень 1924 р.), говорилося: «...Есть очевидно какие-то причины, которые деморализуют членов партии. Здесь по всей вероятности действует тяжелое материальное положение, тяжелые семейные условия, усталость и изношенность после продолжительной борьбы... Темп Парторботы очевидно имел тенденцию понижаться и в результате: интерес к общеполитическим вопросам уменьшился, а интерес к личной жизни увеличился, в связи с чем совершаются те или иные преступления» [27, арк.68–73].

Всеукраїнська нарада секретарів губернських партійних контрольних комісій 22–24 травня 1922 р. записала в своїй резолюції:

«...8. Совецание констатирует, что нарушение комэтики со стороны рядовых членов партии подчас совершаются по мотивам тяжелого материального положения рядовых членов партии, помня, что от быстрого и правильного разрешения этой задачи зависит успех в деле изживания вышеуказанных явлений.

9. Тяжелое, а подчас и безвыходное положение членов партии создаваемые мобилизацией и плановыми перебросками, вызывает необходимость оказания всяческой материальной помощи, в особенности средств передвижения, товарищам, что является особо необходимым в условиях настоящего момента» [33, арк.4].

Циркуляр ЦК КП(б)У від 28 березня 1923 р. констатував наявність такого явища, як виснаженість активістів: «После пяти лет непрерывной, подчас непосильной работы на всевозможных фронтах руководящий состав нашей партии, в большей своей части изнуренный еще до революции в царских тюрьмах, ссылке и эмиграции, до того износился, что от истощения начинают выбывать из строя ответственные товарищи, а работоспособность остальных сильно понижается. Нервные заболевания от переутомления стали профессиональными болезнями коммунистов, и есть опасение, что еще до получения достаточного подкрепления для замены наш командный состав может надломить свои силы, что грозит самому существованию нашей партии... ЦК КП(б)У, обращая Ваше внимание на грозящую нам с этой стороны опасность, предлагает принять меры к охране здоровья ответственных партийных работников» [23, арк.4].

Циркуляр ЦК ВКП(б) №133 від 9 січня 1923 р. в заплутаному стилі дав чітку вказівку: бути особливо чуйними при розгляді судових справ партійців:

«...Между тем факт привлечения наших ответственных т.т. к суду и фигурирование их на «скамье подсудимых» не могло не переживаться ими чрезвычайно тяжело и с этой точки зрения находилось в противоречии с принципом экономии людей и сил дальнейшем их использовании.

Чтобы избежать повторения этих нежелательных явлений в будущем, ЦК предлагает организовать при всех Губкомах временные комиссии в составе Секретаря РК, Пред. ГИК или ГЭС и Пред. ГСНС, возложив на эти комиссии обязанности заслушивать доклады Губпрокуроров по существу дел, возбуждаемых против всех ответ. коммунистов, особенно хозяйственников. Заключение этих комиссий обязательной силы для судебных органов не имеют, но все прокуроры должны со всем вниманием относиться к сообщаемым на заседании комиссии сведениям о положении той или иной отрасли промышленности к данным о личности того или иного работника, учитывая сообщаемый материал для наиболее правильного и целесообразного подхода к делу при дальнейшим направлении».

Після таких зізнань на вищому рівні, зрозуміло, поплакатися про своє скрутне становище стало мало не традицією в колах служилої компартійної братії. Інколи самі ж партійці звертали увагу на очевидні перебільшення в цьому напрямі. Наприклад, на пленумі Запорізького окружного (грудень 1924 р.) при обговоренні доповіді про роботу комсомольської організації була подана репліка: «Айзенштат (доповідач – Авт.) показав мне письмо от секретаря райкома (КСМ) Гуляй-Польского, что он голодает, нуждается и т.д. А между прочим, он зачислен как работник милиции и получает жалование... Отсюда вывод, что секретари райкомов ЛКСМ пишут неправду» [32, арк.90].

Особливим приводом для звертання у вищі інстанції було раптове виключення з партії в ході чергової чистки. Дуже часто це сприймалося як прикре непорозуміння.

Один з «вичищених», 1895 р. народження, з селянської сім'ї на Харківщині, у 1915–1917 рр. служив у царській армії, у 1917–1920 рр. – в Червоній армії, у партії з 1918 р.; перебував на різних громадських роботах. Пройшов через поранення, хвороби, лазарети. У Богодухівському районі під час партійної чистки 1921 р. був виключений з партії нібито за покривання самогогонщиків: «...И вот во время чистки партии, которая производилась на открытых собраниях, во время голосования моей кандидатуры, присутствующая

толпа народа голосовала за; против не было: лишь незначительная группа людей, которые меня не знали. На этой же чистке были отобраны все старые партбилеты для замены их новыми. Но однажды через несколько дней я поехал в г. Богодухов в уком за литературой, вижу я на стенке список исключенных из членов партии, в том числе и я. Меня это чрезвычайно удивило.

Я спрашиваю тов. Матюхина, председателя по чистке партии, который говорит, что подано заявление, что я укрываю самогонщиков. Я со всей серьезностью доказывал, что это неправда. Я и после доказывал общественным мнением общества, в котором я был председком, документально. Но мое доказательство не было принято во внимание. И только тогда, когда списки исключенных из членов были отправлены в губком, тогда по наведенным справкам уком утвердили меня в действительные члены партии. Но с потерей старого партстажа по утверждению меня в действительные члены партии, за неимение партбилетов мне выдано удостоверение № 355 от 21-го февраля 1922 года. Вскоре после этого меня как члена партии уком командировал в г. Харьков на областные курсы налоговой инспекции, откуда после окончания курсов я был командирован в Запорожский губпродком, который направил меня в упродком, а последний назначил меня Волинспектором по Жеребецкой волости. Прибыв в село Жеребец, я немедленно явился в Комячейку для того, чтобы зарегистрироваться, предъявляю секретарю вместо партбилета удостоверение ... говорит, что этого не достаточно, чтобы быть членом партии, а необходимо партбилет. Вскоре все партийные товарищи, узнав, что я действительно идейный член партии, предложили мне написать заявление, заполнить анкету. Мною было сделано, ячейка начала ходатайствовать перед Запорожским укомом, чтобы последний ходатайствовал перед губкомом о восстановлении мне старого партстажа и выдачи мне партбилета. Но эти ходатайства гласом вопиющего в пустыне и до настоящего времени. И так я остался вне рядов Коммунистической партии, за которую я сознательно и идейно отдавал свою жизнь» [31, арк.268–269зв.].

Не допомогли навіть детальніші аргументи проти невинного виключення з партії в зверненні, названому самим автором «Заявление-биография ... служащего следователем при В.У.Ч.К»: «Настоящим прошу Чистотройку восстановить мой партийный стаж. Для пояснения по существу дела даю следующее объяснение:

Происхожу из крестьян с. Берестового Бердянского уезда. До Революции работал дома по хозяйству, учился и затем военная служба в Черноморском флоте в Севастополе. До Октябрьского переворота принимал одинаковое участие в Революции со всеми революционными моряками и учился (окончил) курсы за Вышеначальное училище и учительские. После Октябрьского переворота во время татарского выступления участвовал в подавлении такового в передних рядах, там же был избран Комиссаром по охране тыла фронта. После ликвидации означенного выступления был избран в Комитет Службы Связи Черного моря, где и был до пришествия немцев. Насилу по деревням пробрался домой, где приходилось скрываться от разных карательных отрядов и работать подпольно. Когда же реакция немного затихла, был сельским учителем (там же в Берестовом). Весной 1919 г. по приходе Красной Армии поступил туда в Заднепровскую Бригаду Бронепоездов (организованная из моряков), где и воевал на Деникинском фронте до отступления с Украины. Прибыли в Москву, где остатки нашей Бригады были назначены в Волго-Каспийскую Военную Флотилию, где я служил в Штабе у Раскольникова (К-щий Флотилией) до 1 мая 1920 г.

Там же 12/III–20 г. я вступил в Партию Р.К.П.(б), когда там вокруг Астрахани был фронт белых. Оттудова, после ликвидации Кавказского фронта, был откомандирован в Москву в Главный Штаб. Московский Морской Комиссариат 11/VI–20 г. откомандировал меня в Томский университет для продолжения образования. (Согл. распор. ВЦИК об откомандировании кр-цев, жел. продолж. обр.). Учась в Университете в Томске, я по предписанию Губкома Р.К.П.(б) вел парт. работу среди студенчества. Кроме того, был избран Секретарем Томского Губревкома. После вел работу в 1-м райкоме Р.К.П. по организации и учету парт. сил и проведению единого партбилета, где было до 4000 коммунистов, там же я был Зав. информ.-статист. отделом. Дальше, по предписанию Губкома принял Украинскую секцию Р.К.П. при Губкоме, украинский п/отдел при Губисполкоме, Украин. секцию при Губнаробразе, укр. клубы, театры и т. п. организации губернии, где и вел как партийную, так и советскую и полит-просветительную работу. Там же в Томске был избран председателем Томского Окружного укр. клуба. Попутно с этим приходилось еще учиться в Университете и сдавать зачеты. Во время «Всероссийского парт. двухнедельника» был назначен Губкомом провести реорганизацию как в парт., так и советск. учреждениях в Кузнецком и отчасти в Щегловском уездах, где попутно с этой работой было задание работ Губнаца и Губкома по орган. по губернии украин. секций при Упаркомах, укр. п/отд., клубов, читален, библиотек и т. п. всю работу я выполнил. После проводил уездные и губернские беспартийные конференции. Но естественно, что подобная перегруженность и напряженность сил не могли долго продолжаться, и я заболел нервным расстройством (и еще благодаря непривычному для меня суровому сибирскому климату). Согл. постановл. Врач. Комиссии Губком откомандировал меня 15/IV–21 г. в распоряжение Ц.К. Сиббюро Р.К.П.(б) для направления меня на Юг Украины для лечения. Ц.К. Сиббюро Р.К.П.(б) откомандировал меня в распоряжение Ц.К.Р.К.П.(б), где меня уже по резолюции Наркомздрава тов. Семашко откомандировали в распоряжение Ц.К.К.П.Б.У. – попутно с этим мне было поручено Томским Губкомом Р.К.П. исходатайствовать у ВУЦИКа У.С.С.Р. необходимую литературу на укр. языке для Томской губ. (ввиду 1/5 населения состоит из украинцев), что я, благодаря резолюции Наркомнаца ВЦИК и выполнил. В Харькове Ц.К.К.П.Б.У., несмотря на мое совершенно болезненное состояние здоровья, дал мне только 2-недельный отпуск домой в с. Берестовое Берд. у. Находясь дома, я знал, что при таком состоянии моего здоровья, какое у меня тогда было, я не смогу принести пользу Республике, а только окончательно загоню себя. Да

разве я и не имел права отдохнуть во время затишья после семилетней нечеловеческой гонки!.. Бердянская Комиссия дала мне на 3 месяца освобождение, но несмотря на это, я все-таки не гулял и сколько мог работал в Бердянске: в Наробразе, затем Секретарем Уполитпросвета, немного Секретарем Отдела Управления и др. Состоял в профсоюзе. Попутно с этим я был секретным осведом. В.У.Ч.К. Недавно я назначен пом. Уполномоченного II гр. В.У.Ч.К., где сейчас и работаю. В сущности говоря, я за это время работал не хуже многих коммунистов, что знают здесь многие как т.т. коммунисты, так и ответств. работники. И вся моя вина в том, что я не по инстанции откомандировался с Ц.К.К.П.Б.У. в Бердянск, но тогда, повторяю, я бы не смог восстановить свое здоровье. Вторая моя вина в том, что я не зарегистрировался в Упаркоме, но это извинительно с моей стороны тем, что я, тем более если принять во внимание, что летом чуть ли не все были на положении как бы подпольном и т. д. Хочу уверить тройку, что тут не было шкурничества, работа говорит за меня, и кроме того, не надо забывать, что я лечился от нервного расстройства.

В данный момент, чувствуя себя вполне здоровым, я хочу опять восстановить связь и работать в партии, и если Упарком хочет иметь честного и опытного работника, то он удовлетворит мою просьбу.

При сем прилагаю партбилет. Если возникнет в чем-либо сомнение, могу подтвердить документами. Некоторые же документы нужно затребовать у завсоо В.У.Ч.К. тов. Вронского, которые я ему сдал (напр. отпусковое удостоверение из Ц.К.К.П.Б.У., освоб. по болезни Бердянской Комиссии и др.

К сему (підпис) [36, арк.220–221зв.].

Аргументы виявились непереконливими, про що свідчить накладена поверх заяви резолюція: *«Считать механически выбывшим как не явившегося на чистку и не имевшего в течение 18 месяцев связи с партийными организациями. Партбилет и все документы потребовать в губком»* [підписи].

Поштовхом до написання одного листа в Донецький губком на п'яти сторінках стала глибока образа за недостатню шану: *«За последнее время я весьма основательно ощущаю недружелюбное ко мне отношение некоторых кругов, результатом чего явилось исключение меня из списков кандидатов в Горсовет и ряд других явлений, характеризующих выражение мне недоверия или в лучшем случае сомнения. Самый факт невнесения меня в список кандидатов Горсовета не остановил бы моего внимания, ибо вполне естественно составлять списки на самых достойных, самых лучших членов партии, но наличие в списках имен, которым менее всего там место, побуждает меня заявить протест... В Бахмуте меня почти никто не знает в прошлом, лица, с которыми я порвал родственные связи, делают свое грязное дело...»*. – Свою цінність для партії шукач справедливості підкреслює нагадуванням фрагментів із своєї біографії, зокрема: у 1919 р. під час наступу Денікіна йому було доручено перевезти з Ізюма до Харкова ешелон «с заложниками и бандитами», а коли останні, користуючись співчуттям конвою, спробували визволитись, наш герой власноручно їх перебив: *«мне почти одному, ибо караул был безнадежный, приходилось расстреливать целый вагон – 24 человека»*. Потім був активним організатором ревтрибуналів і ревкомів на Харківщині і Донеччині. Отже: *«Я не карьерист. Индивидуально я страдаю отсутствием общительности; моя среда – кабинетная работа, но это не значит, что я контрреволюционер или плохой коммунист. И Губкому нужно решить, можно ли мне оказывать доверие на самой рядовой работе, ибо я чувствую себя весьма неудобно, или такового доверия быть не может, а значит, нужно сказать мне об этом прямо, тем более, что от этого моя коммунистичность и взгляды нисколько не изменятся»* [8, арк.52–54].

Ще одним джерелом хвилювань для номенклатурних працівників були так звані «переброски», тобто переміщення кадрів.

У лютому 1921 р. в Донецькому губкомі було зареєстровано заяву, в якій відчувається дивна суміш наївності, переляку, відповідальності і небажання їхати з губернського центру на роботу в повітове робітниче містечко: *«Довожу до вашего сведения, что меня командируют в г. Константиновку зав. жен. отделом. Для того, чтобы брать на себя такой ответственный пост, надо знать хорошо всю постановку дела и всю работу. Я все время работала в водвороте военщины, и с этой работой я не справлюсь, тем более я не проходила никакой политической школы, так как Константиновский уезд есть рабочий район, и туда нужно посылать людей с мест, более сведущих и знающих хорошо расположение местности, а также украинский язык. Прошу вашего распоряжения оставить меня при Донецгубпаркоме, на той работе, которую в настоящее время исполняю, так как работаю при гор. секретариате зав. бюро субботников, и с этой работой вполне знакома и уже имела план проведения субботников. Я еще раз прошу и ставлю вас в известность, что я для зав. жен. отделом не подготовлена и не могу провести всю работу, которую на меня возлагают* [11, арк.74].

Працівник Луганського відділу соціального забезпечення, переведений на роботу на периферію, бомбардує Донецький губком: *«Я старый работник с 1902 г. Много перенес за дело Революции. Я требую дать мне работу в Луганске как заслуженному революционеру перед революцией»* [7, арк.5].

Очевидно, спротив переміщенням був хоч і коректним, але відчутним, так що на засіданні партактиву Маріупольського повіту 18 жовтня 1922 р. було ухвалено: *«Проводить твердую линию перебросок и перемещений, борясь с ходатайствами и протекциями»* [15, арк.46].

Поступово нагадування особистих жертв і страждань стало нормою внутріпартійного життя, і автори своїх біографій вважали за необхідне всіляко підкреслювати цей бік свого існування навіть у тих випадках, коли їм нічого особливого не загрожувало, наприклад при вступі в партію чи в ході планових кампаній складання характеристик на всіх підряд партійців: *«я лишился отца с детства»*; *«1-го мая 1923 года уволился с военной службы и прибыл 8-го мая в город Запорожья в окружком. Откуда меня назначили на*

должность зав Агитпропом М.Лукашовского райпартзвена, на каковом нахожусь и в настоящее время в ужасно тяжелых материальных условиях с женой и ребенком»; «с закрытием ясель в с. Туркеновке т.е. с 1-го сентября 1922 года и по сие время нахожусь безработной»; «в настоящее время я болен, болят у меня почки. И сейчас остро нуждаюсь в лечении моего здоровья. Но в коллективе нету средств для лечения. Нахожу самым любимым работать по хозяйственной части в коммуне» [29, арк.72–73зв.,203–204,293; 30, арк.103–104].

* * *

Ті, у кого вистачило терпіння вчитатися у наведені вище тексти, сподіваюся, не попадуть в число «ротозеев» біля уявлюваного музею. Хоч до розгляду включені окремі приклади, все ж їх цілком достатньо, аби зрозуміти, що в музеї, згаданому видатним пролетарським поетом, таки було кого виставити; зібрався б, мабуть, цілий хор плакальщиків. Більше того, матеріалів однієї статті вистачило б, щоб «плачущих большевиков» поставити на кожному розі непівської столиці ще до громової звістки січня року 1924-го.

Звичайно ж, поет допустився очевидного перебільшення і величезного спрощення, що є доречним і навіть необхідним у поезії, але шкідливим в історичній пам'яті. Поезія живе довільною грою інтелекту: автор навіює особливі правила гри, читач їх підхоплює, і в їх спілкуванні народжується магія духовного піднесення. Історія ж є впертою, вона не визнає ніяких умовностей, вона педантично шукає раціональної логіки в усіх деталях і в цілому. В цьому розумінні вона позбавлена почуття гумору. І якщо поет з повним правом може сказати: «вони ніколи раніше не плакали», то історик не може дозволити собі обмежитися твердженням: «вони таки плакали!».

Мета полягає не в з'ясуванні того, яке з окремих тверджень є істинним, а яке хибним; головне – це те, яку мудрість (бодай крихту її) ми винесемо для себе в ході наших розмірковувань з приводу тих чи інших фактів. Отже:

1. Кожного разу необхідно задавати чітку локалізацію питання. А саме: людина як функціонер системи і як антропологічна одиниця. В реалізації партійної політичної програми більшовики справді були незворушними, абсолютно позбавлені сентиментів, були безжальними як до інших, так і до себе. Без жалю чинили розправи над тими, хто був визначений як ворог, не зупинялися ні перед якими людськими жертвами, не відчували чужих страждань, з дивовижною легкістю йшли у бій, ніби не відчуваючи ран. Інша справа своє особисте життя! Тут вони часто ставали ущербними, безпорадними, розгубленими, трепетними – власне, такими, як і всі.

2. Необхідно утриматися від однозначної оцінки тієї чи іншої політичної сили, принаймні до проведення повного ретельного дослідження.

Ставлячи питання про те, як виявлені додаткові обставини характеризують всю політичну силу, який виходить збірний соціально-психологічний портрет верстви партфункціонерів, – слід поки що обмежитися висновком про те, що чистота міфу про лицарів революції порушується. Черговий раз людина в історії постає як складна і суперечлива неоднозначна фігура. Обов'язково неідеальна. Одна й та ж особа є і твердою, і сентиментальною; і безкорисливою, і дріб'язковою; і безстрашною, і панікуючою. Це є загальне правило.

3. Слід також враховувати, що поставлені питання стосуються тільки першої половини 1920-х років, тобто короткого пореволюційного періоду. Невблаганно відходила у минуле епоха, коли політично активні діячі могли дозволити собі істеріку, сльози чи будь-які інші прояви ширості. Десь посеред 1924-го року пролягла історична лінія, яка відрізала і відкинула в минуле революційне бродіння; попереду відкривалася ера казенного тоталітаризму. Далі ветерани більшовицького перевороту рішуче і блискавично були відправлені в тираж, на почесні і щедрі пенсії; ті ж з більшовиків, хто не бажав відходити від справ, були безцеремонно нейтралізовані в різні способи. Епоха відчайдушних, здатних на сльози, відійшла в минуле.

Джерела та література

1. Дорошко М.С. Номенклатура: керівна верхівка Радянської України (1917–1938 рр.). – К., 2008.
2. Фролов М.О. Компартийно-радянська еліта в УСРР (1917–1922 рр.): становлення і функціонування. – Запоріжжя, 2003.
3. Фролов М.О. Компартийно-радянська еліта в Україні: особливості існування та функціонування в 1923–1928 рр. – Запоріжжя, 2004.
4. Лях С.Р. «Жаркое» на п'яту річницю Жовтневої революції: деталі воєнно-комуністичного побуту на Запоріжжі у 1922 році // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. – Вип. XX. – Запоріжжя: ЗНУ, 2006. – С.178–183.
5. Державний архів Донецької області (Далі – ДАДО). – Ф.П–1. – Оп.1. – Спр.36.
6. ДАДО. – Ф.П–1. – Оп.1. – Спр.147.
7. ДАДО. – Ф.П–1. – Оп.1. – Спр.349.
8. ДАДО. – Ф.П–1. – Оп.1. – Спр.434.
9. ДАДО. – Ф.П–1. – Оп.1. – Спр.600.
10. ДАДО. – Ф.П–1. – Оп.1. – Спр.647.
11. ДАДО. – Ф.П–1. – Оп.1. – Спр.719.
12. ДАДО. – Ф.П–1. – Оп.1. – Спр.874.
13. ДАДО. – Ф.П–1. – Оп.1. – Спр.893.

14. ДАДО. – Ф.П–1. – Оп.1. – Спр.928.
15. ДАДО. – Ф.П–1. – Оп.1. – Спр.1015.
16. ДАДО. – Ф.П–1. – Оп.1. – Спр.1161.
17. ДАДО. – Ф.П–1. – Оп.1. – Спр.1165
18. ДАДО. – Ф.П–1. – Оп.1. – Спр.1174.
19. ДАДО. – Ф.П–1. – Оп.1. – Спр.1180.
20. ДАДО. – Ф.П–1. – Оп.1. – Спр.1350.
21. ДАДО. – Ф.П–1. – Оп.1. – Спр.1356.
22. ДАДО. – Ф.П–1. – Оп.1. – Спр.1414.
23. ДАДО. – Ф.П–1. – Оп.1. – Спр.1424.
24. ДАДО. – Ф.П–1. – Оп.1. – Спр.1709.
25. Державний архів Запорізької області (Далі – ДАЗО). – Ф.П–1. – Оп.1. – Спр.3.
26. ДАЗО. – Ф.П–1. – Оп.1. – Спр.15.
27. ДАЗО. – Ф.П–1. – Оп.1. – Спр.42.
28. ДАЗО. – Ф.П–1. – Оп.1. – Спр.43а.
29. ДАЗО. – Ф.П–1. – Оп.1. – Спр.71.
30. ДАЗО. – Ф.П–1. – Оп.1. – Спр.71а.
31. ДАЗО. – Ф.П–1. – Оп.1. – Спр.79.
32. ДАЗО. – Ф.П–1. – Оп.1. – Спр.144.
33. ДАЗО. – Ф.П–47. – Оп.1. – Спр.39.
34. ДАЗО. – Ф.П–47. – Оп.1. – Спр.54.
35. ДАЗО. – Ф.П–47. – Оп.1. – Спр.67.
36. ДАЗО. – Ф.П–47. – Оп.1. – Спр.75.
37. ДАЗО. – Ф.П–47. – Оп.1. – Спр.170.

Лях С. Р. «Плачущие большевики»: штрихи к коллективному портрету компартийной номенклатуры 20-х годов

Содержанием статьи является констатация факта, что в ментальности и повседневных жизненных стратегиях компартийной номенклатуры УССР милитарный дух, боевое прошлое, решительность и неумолимость в выполнении партийных заданий вполне органично сочетались с сентиментальностью, стенаниями, слабостью перед лицом личных проблем, а порой и плаксивостью, наивным лукавством. Предметом исследования является презентация письменных заявлений, писем, автобиографий функционеров правящей партии, адресованных руководящим партийным органам, в которых авторы поднимают личные проблемы, заостряют вопрос частного быта, вопиют о своих телесных и душевных болях.

Ключевые слова: история КПСС, КП(б)У, РКП(б), ВКП(б), партийно-государственная номенклатура УССР 1920–30-х годов, история повседневности, антропология компартийной власти.

Lyakh S. R. «The Sobbing Bolsheviks»: the features for the collective portrait of the communist nomenclature of 1920s

The contents of the article are establishing of a fact that communist nomenclature's mentality and vital strategies combined both fighting spirit, determination, inexorability and sentimentality, moans, whines, craftiness. The subject of the research is presentation of applications, letters, and autobiographies of ruling party's functionaries, which appealed to steering organs with their individual problems, their physical and mental anguish.

Key words: the history of the CPSU, the communist nomenclature in Soviet Ukraine by 1920–1930s, the everyday history, the anthropology of the communist power.

УДК 94:323.22-058.229(477.64)“1917/1923”

В. Г. Бондаренко

ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО ОЛЕКСАНДРІВСЬКА У ПОВСТАНСЬКО-ПАРТИЗАНСЬКОМУ РУСІ (1917–1923 РР.)

У статті досліджуються передумови та причини участі вільнокозацьких формувань Олександрівського повіту у повстансько-партизанському русі. Аналізується тактика повстанців, їх гасла та політична орієнтація. З'ясовується місце суб'єктивного фактору в організації діяльності вільнокозацьких формувань під час партизанської боротьби. Узагальнюється наявний фактичний матеріал щодо участі козаків і старшин в різноманітних повстаннях у 1917-1923 рр. Джерельною базою статті стали архівні документи, мемуари, періодична преса тих часів.

Ключові слова: Вільне козацтво, Олександрівський повіт, повстансько-партизанський рух, повстання Директорії, Південь України.